

УДК 347.78:330.1

Харитонов Владимир Владимирович

канд. филос. наук, доцент кафедры
телерадиожурналистики,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Kharitonov Vladimir Vladimirovich

Candidate of Philosophy, Associate Professor
at TV & Radio Journalism Chair, Department
of TV & Radio Journalism, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

**АВТОРСКОЕ ПРАВО:
ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ**

**COPYRIGHT AND THE PROBLEM
OF ECONOMIC EFFICIENCY**

Аннотация

Основные элементы института авторского права возникли в индустриальную эпоху на основе определенных экономических отношений. И они эволюционировали по мере развития индустриальной экономики. С концом индустриальной эпохи и вместе с информационной революцией авторское право оказывается неадекватным не только культурной традиции, но и экономике информационного производства.

Ключевые слова: авторское право; экономика; пиратство; информационная индустрия.

Abstract

The main structures of the copyright institute have emerged in the industrial epoch on the base of certain economic relations. They evolved in line with the industrial economy evolution. But after the decline of industrial epoch and with the informational economy rise the copyright appears to be inadequate both for the legacy culture and for the informational production economy.

Key words: Copyright; economy; piracy; informational industry.

Экономические аспекты авторского права

На протяжении трех веков авторское право было юридической основой индустриального производства культуры, института авторства и системы распространения информации в обществе. Ситуация в нем меняется вместе с массовым распространением компьютерных технологий и доступа к Интернету. Традиционное авторское право начинает тормозить развитие культуры. Оно входит в противоречие с новыми массовыми формами распространения информации. В нынешнем виде система авторского права не соответствует общей социокультурной потребности в изменении статуса автора и авторства в культуре.

Информация не всегда была товаром. Она превращалась в товар, главный продукт современной индустрии контента, в несколько этапов. Сначала – с появлением индустриального производства книг в XV веке. Затем с формированием авторского права как его юридической инфраструктуры в XVIII веке. И наконец, со становлением концепции универсальной интеллектуальной собственности на произведенную информацию в начале XX века. Общество согласилось на закрепление частичной и ограниченной временем монополии автора ради поддержания индустриального механизма производства культурных артефактов и знаний.

Появление авторского права и, особенно, международные соглашения в этой области сыграли важную роль в придании стихийному и хищническому рынку цивилизованных черт. Стоит напомнить, что термин «пиратство» появился именно в связи с нарушениями авторского права, а не морского закона. Он начал использоваться в XIX веке английскими издателями по отношению к издателям из США. Американские издатели, находясь под защитой своего законодательства, беззастен-

чиво печатали английских авторов без выплат соответствующего вознаграждения. Только подписание межгосударственных договоров и принятие международных соглашений, в частности Бернской конвенции, установили общие правила взаимоотношений между авторами и издателями. Кроме того, был закреплён экономический характер авторства, которое на протяжении веков было чисто символическим. В рамках индустриального производства автор – это не только тот, кто располагает авторитетом, но (что часто важнее) тот, кто имеет право подписывать лицензионное соглашение.

Однако логика индустриального производства – ещё задолго до начала компьютерной революции – обнажила негативные последствия даже ограниченного монополизма, которое закон даровал владельцам авторских прав. Авторы слишком часто не владеют своими правами, но продают и передают их издателям, которые распоряжаются ими, уже следуя своим интересам, а не интересам авторов.

Эти интересы различны. Авторы в первую очередь заинтересованы в максимальном распространении своих произведений. Издатели более всего заинтересованы в минимизации издержек и максимизации доходов. Интересы авторов и издателей совпадают, как правило, только в том случае, когда произведение оказывается книжным бестселлером, киноблокбастером, музыкальным хитом. В результате в современном виде система авторского права выгодна только и исключительно информационным посредникам – крупным игрокам рынка контента, т. е. индустрии киноблокбастеров, нескольким издательским домам и мейджорам звукозаписывающей индустрии. Все остальные – и пользователи, и новый контентный бизнес, и общество, заинтересованное в развитии культуры и распространении знаний, – остаются в проигрыше. Именно крупные корпорации контентной индустрии заинтересованы в бесконечном сроке охраны авторских прав на постоянно приносящие прибыль произведения.

Наступление компьютерной революции, появление технологий цифрового тиражирования и передачи информации радикально изменили способ производства контента. Теперь цена цифровой копии стремится к нулю, а деньги, полученные от продажи каждой проданной копии, к примеру, мультфильмов Диснея, составляет чистую маржинальную прибыль корпорации. Такое тиражирование уже не требует ни инвестиций в производство, ни оплаты труда авторов (лицензионные выплаты уже давно сделаны). Для такого производства достаточно только расходов на рекламу и маркетинг.

Не все произведения приносят гигантские прибыли, но нынешняя система авторского права не способна охранять разные произведения по разным правилам. Поэтому лоббисты контентной индустрии заинтересованы в том, чтобы законодатели во всех странах мира охраняли всё максимально долго и максимально жестко.

Современный режим авторского права в ещё большей степени препятствует культурному обороту так называемых «сиротских» произведений (*orphan works*), т. е. произведений, поиск авторов и правообладателей которых невозможен либо требует непомерно больших усилий и затрат. Согласно базовым принципам Бернской конвенции публикация произведений без прямого разрешения правообладателей запрещена. А если правообладатель не может дать такого разрешения, поскольку неизвестно, жив ли он? По подсчётам американских библиотекарей, около 70 % книг, вышедших в XX веке, и более 90 % фотографий можно отнести именно к таким «сиротским» произведениям. Технически эти книги могут быть возвращены в культурный оборот путем оцифровки. Для этого не требуется больших затрат. Однако барьер авторского права не позволяет этого сделать, ведь всегда остается вероятность внезапного появления «потерянного» автора.

Массовое распространение компьютерных технологий и доступа к Интернету в корне изменило статус автора в культуре. Теперь автором может быть практиче-

ски каждый. Большинство пользователей Интернета уже являются авторами, часто даже не задумываясь об этом. Все мы публикуем короткие заметки и комментарии в блогах и социальных сетях. С точки зрения общепринятых норм авторского права, закрепленных в Бернской конвенции, все мы, как бы это ни выглядело нелепо, становимся авторами и пользуемся теми же исключительными моральными и имущественными правами, которыми располагают авторы, публикующие свои книги в издательствах, даже если пишем короткие заметки в Twitter.

Сегодня изменился и способ реализации авторства. Уже не отдельные авторы ежедневно создают миллионы текстов, а коллективы авторов, зачастую даже незнакомых друг с другом. Именно так создается Википедия, так создается программное обеспечение с открытыми исходниками, так пишутся миллионы записей в блогах и социальных сетях.

Да и само авторство сегодня – если брать чистую статистику – по преимуществу реализуется вовсе не с коммерческими целями. Однако некоммерческая реализация авторства или использования произведений в современном авторском праве является скорее исключением (в странах континентального права) или разрешается шаткой конструкцией добросовестного использования (в странах common law). Изменения в авторском законодательстве часто влекут за собой изменение статуса произведений, уже находящихся в общественном достоянии. И громадное количество произведений автоматически исчезает из свободного культурного оборота, несмотря на коммерческую бессмысленность изменения их статуса.

Массовое распространение компьютерных и сетевых технологий изменило способ производства и распространения контента. Однако законодательство и правообладатели, кажется, не желают замечать объективных реалий. Еще полвека назад создание копии произведения было практически невозможно за пределами профессиональной индустрии, поскольку предполагало создание материальной копии произведения. Копирование цифрового контента не представляет никакой сложности. Более того, копирование является практически незаметной и повседневной практикой для сотен миллионов пользователей компьютеров и Интернета. Напротив, ограничение копирования – это крайне сложная и дорогостоящая задача, требующая громоздких систем управления цифровыми правами (digital rights management). И платят за это не распространители контента, а пользователи.

Раньше на стороне монополии информационных посредников стояли законы природы, но теперь законы физики не защищают издателей. Создать материальную копию сложно, но копию цифровую – нет. Крупные правообладатели пытаются защищаться, ссылаясь на необходимость защищать интересы авторов. Напомню – эти интересы в большинстве случаев не совпадают. И издателям остается апеллировать к ужесточению механизмов правоприменения и моральному чувству пользователей. Но человеку как социальному существу естественно присуща и потребность во взаимодействии, в том числе путем обмена информацией и культурными артефактами. И реализация этой потребности морально одобряема в любом обществе. В этом отношении традиционное авторское право прямо противоречит интересам общества. Об этом наглядно свидетельствует массовое распространение неавторизованного копирования (его обычно называют «пиратством») даже в странах ОЭСР. Последнее исследование «культуры копирования», принятое Джо Караганисом и Леннартом Ренкема [1. С. 281–283], показывает, что в США и Германии нелегальное копирование охраняемых авторским правом произведений практикует от половины до 2/3 всех интернет-пользователей.

Многочисленные исследования доказывают, что именно самые активные «пираты» приносят больше всего денег индустрии контента. Самые злостные «пираты» являются и самыми щедрыми покупателями контента. Вопреки представлени-

ям лоббистов крупного контентного бизнеса, неавторизованная дистрибуция не только не подрывает коммерческие интересы индустрии, но, напротив, помогает ей, поскольку играет роль бесплатной рекламы. А реклама особенно необходима в условиях информационной перегрузки, присущей современному обществу. Главный «враг» автора и издателя в информационном обществе – вовсе не «пират», а неизвестность и дефицит внимания и времени, которые пользователь способен уделить тому или иному контенту.

Нельзя сказать, что законодатели слепы и целиком идут на поводу у лоббистов традиционной издательской индустрии. Политики в разных странах все больше осознают необходимость трансформации системы авторского права. За последние два года сделаны важные шаги по пути – пока скромных, но важных – изменений в национальных законодательствах. К примеру, во Франции в 2012 году был принят закон «Об оцифровке недоступных книг XX века», который де-факто вывел из-под действия Бернской конвенции произведения французских авторов, опубликованных в XX веке и более не представленных на коммерческом рынке (out-of-print books). Закон № 2012-287 от 1 марта 2012 года предполагает создание механизма, в результате которого все эти книги будут оцифрованы и возвращены в коммерческий оборот в принудительном порядке. За последние годы новые принципы регулирования авторского права вступили в силу в Чили, Швейцарии и Канаде. Реформирование авторского права в Великобритании на основе «доклада Харгривса» во многом идет по пути, сходному с принятым в этих странах и на основе тщательного изучения реальных механизмов производства, распространения и потребления контента.

Да и Евросоюз в целом вступил на путь реформирования «Бернской системы», разрешив проблему использования сиротских произведений. Принятая в 2012 году и вступившая в силу директива 2012/28/EU требует от стран – членов Евросоюза в течение ближайших 3 лет внести изменения в национальные законы об авторском праве, которые бы допускали использование сиротских произведений в рамках четкой юридической процедуры.

В основу новой концепции авторского права должны быть положены реалистичные и реализуемые принципы, соответствующие интересам общества в целом, защищающие и права авторов на использование произведений, и права общества на доступ к культуре и знаниям. Только при условии выполнения этих требований авторское право будет вызывать уважение и создавать новые возможности для творчества и развития общества. Как ни странно, в основу нового международного договора может лечь Всеобщая конвенция об авторском праве, принятая в Женеве в 1952 году. В ней уже содержались все ключевые моменты, необходимые авторскому праву на современном этапе: ограниченный срок охраны, необходимость регистрации авторских прав для их коммерческого использования, гибкий механизм национального регулирования авторского права каждой из стран, подписавшей договор. Стараниями традиционной индустрии контента все эти положения были сведены на нет последующими международными соглашениями в этой области.

Реализация новых принципов охраны требует, безусловно, политической воли, опирающейся на внятное и консолидированное мнение культурного и научного сообщества. А также усилий всех стран – участников международных соглашений в области авторского права. Двери для этого открыты. Даже самые строгие международные договоры, типа соглашения TRIPs, предполагают – в рамках этих соглашений – любую трансформацию национальных законов. Урегулирование ситуации с «сиротскими» произведениями, возвращение в оборот культурных ценностей, расширение списка исключений и пространства добросовестного исполь-

зования – таковы первые шаги в направлении необходимой трансформации системы авторского права.

Проблема экономического ущерба от нелегального копирования

Что мы знаем о пиратах? О российских – очень мало или почти ничего. Социологические службы время от времени задают несколько вопросов в своих опросах. Иногда таких вопросов даже много. Иногда их задают даже по заказу индустрии. Может быть, поэтому так устойчивы мифы о том, что «Россия – страна с ужасным пиратством», «90 % всего контента нелегальный» и, конечно, привычное «скачивание – это кража».

Слова слишком много значат для нас. Если все вокруг начнут называть белое черным, то и мы сами – за исключением отдельных маргиналов – согласимся с этим: «Все же так говорят!» Именно это и произошло с копированием контента. Лоббистам крупных производителей контента, уже не первый десяток лет воюющим с неавторизованной дистрибуцией контента, умело внедрили в наш язык представление о том, что каждый пользователь Интернета, скачивающий какой-то контент из сети, «пират», а каждое такое скачивание – «воровство».

Ход хитрый вдвойне. Во-первых, это помогло стереть память о том, почему, говоря «пират», мы уже не имеем в виду морских грабителей, а только нарушителей авторского права. А ведь 150 лет назад этим ругательством припечатывали английские издатели и авторы своих американских коллег, которые без зазрения совести (и выплаты роялти) печатали книги английских авторов. Тогдашние законы США такое поведение не запрещали, охраняя права только своих, американских авторов, так что Чарльз Диккенс очень переживал. Ведь и правда – форменное безобразия?

Теперь же «пиратами» кличут нерадивых пользователей. И кто усомнится в моральной чистоте самих издателей? Одно дело сделано. Второе сделано тоже: пиратство, как-никак, преступление, «воровство» и «грабеж», а с ними надо бороться, несмотря ни на что. «Булочки же вы бесплатно в магазине не берете?» «Таксисту за проезд платите?» «На что будет жить писатель, если не платить ему роялти?»

Мир был бы значительно проще, если бы скачивание действительно было кражей. Однако хищение – преступление имущественное, и оно имеет отношение к вещам, т. е. к тем самым булочкам и перевозкам, о которых так много говорят корпоративные лоббисты. Но булочки украсть можно, оцифрованную же копию булочки можно только скопировать, хотя бы и без разрешения. Значит ли это, что «пираты» ничего не нарушают? Нарушают, конечно. Они нарушают исключительное право автора распоряжаться своим произведением по своему усмотрению.

Лоббисты корпораций не просто упрощают ситуацию, уравнивая «пиратство» и «воровство», они заставляют нас всех поверить в то, что пользователь – недалекое существо, которое всегда ведет себя, как потребитель на празднике непослушания: из супермаркета исчезли кассиры и охранники, и теперь, наконец-то, – тащи, не хочу. «Никто не отказывается от халявы!» Безусловно, бесплатность и доступность – очень важный мотив экономического поведения интернет-пользователей. Почему бы не взять, коли дают?

А если бы не давали? Лоббисты уверяют, что это и есть цель борьбы с пиратством: пользователям будет некуда деваться, и они пойдут покупать контент! Вопреки такому упрощению, пользователи зачастую скачивают контент только и исключительно потому, что он бесплатен и/или легко доступен. А если нет? Тогда они бы и не стали стремиться его получить. Например, потому, что контент не вызывает достаточного для покупки желания, или потому, что цена, назначенная

продавцом, представляется пользователю завышенной. (Кстати, пользователи, практикующие исключительно бесплатное скачивание, могут вообще не потреблять скачиваемый контент, откладывая знакомство с ним на неопределенное будущее, собирая книги, музыку, фильмы впрок, чтобы было чем занять себя в отпуске или на пенсии.) Так или иначе, такое скачивание контента, конечно, не приносит правообладателям прибыли, однако и не наносит никакого ущерба: их кошелек для них, скорее всего, будет закрыт независимо от того, доступен ли контент бесплатно или нет.

Экспериментальное подтверждение этой идеи обеспечили органы правоохранительных органов Новой Зеландии и США, закрывшие сервис Кима Доткома Megaupload в январе 2012 года. Это событие было встречено горячим одобрением со стороны представителей крупной контентной индустрии, прежде всего – Американской ассоциации киноиндустрии, назвавших действия правоохранительных органов Новой Зеландии важным шагом по борьбе с международным пиратством. Megaupload был одной из крупнейших площадок неавторизованного распространения контента. На пике популярности он имел 180 млн зарегистрированных пользователей, его ежедневно посещали 50 млн человек, создававших около 4 % (!) мирового интернет-трафика. Ким Дотком, впрочем, декларировал соблюдение принципов DMCA и всегда заявлял, что любой контент размещается на сервисе самими пользователями и удаляется по первому требованию правообладателей.

Следуя привычной лоббистам логике «нет пиратства – растут доходы», следовало бы ожидать, что исчезновение из Сети такой крупной площадки приведет к росту сборов кинотеатров. Однако Кристиан Пекерт, Йорг Клауссен и Тобиас Кречмер из Мюнхенской и Копенгагенской бизнес-школ в ходе статистического анализа показателей проката 10 272 фильмов в 50 странах мира за 2007–2013 гг. [2] пришли к прямо противоположным выводам. На фоне общего роста сборов кинопроката (менее значительного в США, более значительного – почти на 50 % – в международном прокате) за исследуемый период, эффект от закрытия Megaupload оказался в целом либо нейтральным для блокбастеров, либо негативным (снижение на 12 %) для фильмов со средним и низким уровнем сборов. Только для небольшого количества блокбастеров в странах с низким уровнем популярности Megaupload оказалось возможным зафиксировать незначительный рост сборов. Единственным выдерживающим критику объяснением «противоречивого», по мнению критиков [3], исследования, по мнению авторов, может быть то, что сервисы, аналогичные Megaupload, прежде всего удовлетворяя потребности пользователей с низкой склонностью к приобретению контента, одновременно функционируют как инструмент для продвижения контента для тех пользователей, которые склонны его покупать. Пекер и др. приводят данные масштабного опроса 25 тысяч кинозрителей в Германии, предпринятого в 2011 году компанией GfK: мнение друзей важно для 20 % кинозрителей и является третьим (после телерекламы и просмотра трейлеров в кинотеатрах) по важности фактором, влияющим на выбор фильма для кинопросмотра. Таким образом, пиратские сервисы выступают в качестве источника значимой информации для менее обеспеченных или просто не склонных к потреблению платного контента пользователей, которые, однако, могут рекомендовать фильмы к просмотру своим более законопослушным (или более обеспеченным) друзьям.

Аналогичные результаты были получены в 2011 году и авторитетным японским «мозговым центром» – Институтом исследований в области экономики, торговли и промышленности (RIETI), связанным с правительством Японии, – которое провело исследование [4] влияния пиратства на продажи DVD с аниме, одним из самых популярных в Японии видов контента. В своем исследовании Тацуо Такана проанализировал влияние неавторизованной дистрибуции 105 фильмов в

жанре аниме на YouTube и посредством популярной в Японии файлообменной программы Winny на продажи и прокат DVD. Результаты исследования могут обескуражить лоббистов: размещение контента на YouTube не оказывает негативного воздействия на прокат DVD и повышает продажи DVD; файловый обмен Winny снижает показатели проката DVD, но не оказывает влияния на продажи. Автор исследования предполагает, что для пользователей YouTube сервис выступает в роли промोутера фильмов аниме, которые они в качестве телезрителей пропустили и под влиянием «рекламы» на YouTube покупают их (каждый процент прироста просмотров на YouTube дает 0,25 % прироста продаж DVD). Что касается файлового обмена, то этот канал получения контента воспринимается пользователями как замена проката, но не продаж. Следует учитывать, что субкультура отаку (поклонников аниме) предполагает коллекционирование контента, но канал продаж материальных носителей (в частности, в виде DVD) является основным. Однако онлайн-овая – и даже неавторизованная – дистрибуция играет существенную роль для продвижения аниме. Вывод Танаки тем более важен, что он прямо противоречит не только политике правообладателей, но и политике японского правительства, криминализировавшей пользовательское «пиратство».

Поведение интернет-пользователей значительно более нетривиально, чем его рисует пропаганда RIAA, MPAA и их дочек и внуков в разных странах мира. Далеко не все пользователи только скачивают контент. Некоторая – может быть, незначительная? – их часть еще и платит за него. Британское министерство связи (Ofcom) уже несколько лет год ведет мониторинг поведения интернет-пользователей, связанного с нарушениями копирайта. В отличие от российских социологов британцы подходят к делу несколько более основательно, опрашивая каждый квартал более чем 4,5 тысячи интернет-пользователей в возрасте от 12 лет. На таком большом массиве респондентов социологи уже получили немало интересных данных, которые касаются, в частности, самых закоренелых «качков», тех самых, на кого приходится большая часть нелегального скачивания. На верхние 10 % самых активных потребителей нелегального контента (а это 2 % интернет-пользователей Великобритании) приходится 74 % общего объема трафика контента с нарушением копирайта [5]. «Вот их и призвать к ответу!» – скажет иной радатель кошелька правообладателя. И окажется в дурацком положении. Потому что именно эти пользователи тратят на контент в 2 раза больше денег (£198 в квартал), чем самые законопослушные пользователи, которые нелегального контента ни-ни (£83). Все остальные – менее рьяные «качки» – и те тратят на контент больше (£96). На всех нарушителей копирайта приходится 40 % общих трат на цифровой контент и 36 % трат на контент в целом, включая офлайновые траты (приобретение билетов в кино и на концерты и пр.).

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, имеет ли вообще место хоть какой-нибудь ущерб, якобы наносимый «пиратами» индустрии контента? Данные аналитического отчета «Copyright & Creation: A Case for Promoting Inclusive Online Sharing», подготовленный сотрудниками Лондонской школы экономики и политических наук [6], демонстрируют, что на протяжении последних 10–15 лет на фоне массового проникновения широкополосного доступа и быстрого распространения файлообменных сервисов индустрия контента чувствует себя, в целом, исключительно устойчиво.

Судите сами: общий доход музыкальной индустрии в 2011 году составил около \$60 млрд, при этом снижение продаж музыки на материальных носителях, наметившееся в 2004 году, постепенно компенсируется ростом доходов музыкантов от концертной деятельности и продаж музыки в цифровом виде. В 2012 году эти продажи составили \$5,6 млрд, что соответствует 34 % доходов всей звукозаписи-

вающей индустрии. Для сравнения: в 2004 году эти продажи начинались с \$40 млн, которые составляли 2 % доходов музыкальных мейджоров.

Еще более радужная картина у американского кинематографа. В 2012 году доходы от продажи билетов в США выросли до рекордных \$35 млрд, а продолжающееся снижение продаж DVD было скомпенсировано ростом доходов от продаж фильмов на международном рынке (при этом общий доход американского кинематографа в 2010 году составил \$93,7 млрд). Продолжает расти, наверное, самая уязвимая с точки зрения массового распространения неавторизованной дистрибуции в этой сфере – индустрия компьютерных игр. Ее общий доход составил \$63 млрд (прогноз роста до \$87 млрд в 2017 году). И даже книжная индустрия, представители которой имеют основания жаловаться на конкуренцию со стороны других отраслей индустрии контента, в мировом масштабе чувствует себя достаточно уверенно: ее доход в 2012 году составил около \$102 млрд, т. е. она больше и кинематографа, и музыкальной индустрии, и игровой.

И что же получается? Картина с «пиратским» скачиванием на поверку оказывается совершенно иной, чем ее привыкла рисовать пропаганда. Неавторизованная дистрибуция для контента – скорее дополнительный, причем не слишком дорогой (если считать расходами на него некую «упущенную прибыль» от той части пользователей, которые и правда будут покупать контент, если не найдут его бесплатно), маркетинг.

Некоторые корпорации – как это ни странно – это понимают, используя неавторизованную дистрибуцию, в частности, для получения достоверных данных о популярности того или иного контента (см. подробности использования «Сцены» в книге Ласики «Даркнет: Обратная сторона сети» [7] или историю о том, как Netflix мониторит пиратские ресурсы, выходя на новые рынки [8]).

Бесплатная доступность, впрочем, не единственный мотив свободного скачивания контента. В российских условиях, когда, мягко говоря, далеко не весь контент доступен в легальных каналах дистрибуции, слишком часто возникает ситуация, когда вполне осознанная потребность получить конкретный контент в цифровом виде сталкивается с его отсутствием в магазинах или сервисах. В них часто отсутствуют даже произведения мейнстрима, не говоря уже о контенте «длинного хвоста». Чего только нет в легальных каналах дистрибуции – и того нет, и этого. Правообладатели могут сколько угодно оправдывать скудость ассортимента угрозой пиратства, нежеланием контрагентов лицензировать иностранный контент для российской публики и пр., но если книги нет в легальной продаже, а фильма – в легальном онлайн-кинотеатре, то предъявлять претензии конкретному потребителю в том, что он нашел контент не там, где его не продают, а там, где он есть, нелогично. Да и бессмысленно: этот конкретный пользователь правообладателям никакого финансового ущерба не наносит, поскольку сами правообладатели нужным пользователю контентом не торгуют.

Проблема экономической эффективности копирайта

Один из главных аргументов сторонников ужесточения режима охраны и ее продления – экономическая эффективность. По их мнению, произведение используется значительно эффективнее, когда есть (желательно – единственный) экономический агент, который распоряжается его коммерческим использованием. Именно он обеспечивает присутствие произведения на рынке, его доступность и широкое распространение. Следуя этой довольно абстрактной логике, чем дольше произведение находится под охраной, тем лучше для общества, которому такой агент (правообладатель) обеспечивает наилучший доступ. Однако как на самом деле срок охраны и статус общественного достояния влияют на степень доступно-

сти на рынке произведения искусства? Анализ данных, проведенный Полом Хилдом [9], демонстрирует, что экономическая реальность отнюдь не такова.

В ходе своего исследования Хилд случайным образом выбрал 7 000 (бумажных) книг, изданных осенью 2012 года и продававшихся крупнейшим американским книжным ритейлером Amazon. Выходные данные книг были сопоставлены с данными библиотеки конгресса США для установления года первого издания. После чего в выборке остались 2 317 книг с полностью сохранившейся историей, корректными выходными данными и т. д. (Заметим, что 2 317 книг – вполне репрезентативная выборка для того количества наименований, которые вышли в США в 2012 году.)

Уже самый общий результат анализа оказался неожиданным: из отобранных таким образом 2 317 книг 72 % оказались опубликованными до 1923 года, т. е. с заведомо истекшим сроком охраны. Соответственно, только 28 % книг все еще охранялись авторским правом. Казалось бы, можно ожидать, что старые книги с течением времени должны постепенно потерять интерес для публики, однако из только что изданных книг самые большие квоты, из числа попавших в выборку Хилда, приходится на книги, впервые изданные в 1910-х гг. – 338 книг, в первом десятилетии XX века – 319 книг, а квота книг, изданных в последнее десятилетие, – на 3-м месте (254 наименования). Даже книг, впервые изданных в 1880-х гг., все равно переиздано в 2012 году больше (248), чем книг, впервые увидевших свет в любом десятилетии XX века, начиная с 1923 года (безусловный рубеж окончания охраны для книг, изданных в США).

«Копирайтный провал» выглядит еще более впечатляющим, если учесть, что буквально до начала 2010-х годов, когда начался спад на рынке бумажных книг, каждый год в США бумажных книг выходило больше, чем в предыдущем. Сравните: при том, что в 1950-х гг. в США было издано в 6 раз больше книг, чем за сто лет до этого, переиздано в 2012 г. книг 50-х годов XX века было в 3 раза меньше, чем книг, появившихся в 1850-х гг. (25 книг в выборке Хилда против 84).

Причина негативного влияния длительного срока охраны авторских прав на их коммерческую реализацию – чисто экономическая: затраты, необходимые на издание книги, перешедшей в общественное достояние, заведомо меньше, поскольку нет необходимости выплачивать авторские роялти. Кроме того, эти книги уже не нуждаются и в юридическом обеспечении лицензирования и/или установления правообладателя. Последнее обстоятельство крайне актуально для книг, находящихся под охраной, но изданных уже достаточно давно, чтобы процесс поиска наследников оказался неочевидным или негарантированным.

Пол Хилд делает прямой вывод из своего исследования: «Сенатор Оррин Хатч, объясняя, почему он поддержал продление сроков охраны в 1998 году, заявил, что обеспечение доступности и распространения произведений – это и есть то, что имеется в виду под “прогрессом” в посвященной авторскому праву части конституции [США]. Он прав, говоря о целях копирайта, но полностью ошибается, предлагая такое решение проблемы исчезновения произведений [с рынка]. Дальнейшим попыткам продления сроки охраны следует сопротивляться, а не поддерживать их. Создатели конституции вовсе не хотели, чтобы копирайт использовался конгрессом, чтобы способствовать исчезновению произведений» [9. P. 36.].

Однако *de facto* длительный срок охраны является инструментом, который, скорее, препятствует коммерческому использованию произведений, нежели помогает ему. Судя по полученным Хилдом данным, по своей результативности отсечение от рынка копирайтом сравнимо с эффектом устаревания: произведения уже 30-летней давности используются в коммерческих целях примерно столь же мало, что и произведения, опубликованные 160 лет назад. Можно предположить, что

30-летний срок охраны для произведения, примерно соответствующий историческому поколению», можно считать предельным с точки зрения экономической эффективности их коммерческого использования. Произведения, созданные предыдущим поколением, не слишком часто остаются остроактуальными для нового поколения покупателей контента. Вместе с уменьшением актуальности повышается риск убыточности их повторной публикации для издателей. Получение произведением статуса общественного достояния, как видно из анализа Хилда, серьезно компенсирует эти риски и позволяет, в обмен на определенную коммерческую выгоду активных посредников и устранения из коммерческой модели пассивных правообладателей (наследников автора), расширить доступность произведения для публики.

Вопрос о сроке получения произведением статуса общественного достояния, таким образом, можно поставить примерно в том же прагматическом виде, в каком он был поставлен авторами американской конституции: какими должны быть сроки и условия охраны государством прав автора, чтобы они способствовали и поощрению его творчества, и общественному благу? Неоправданно длительные сроки охраны, как видно, не приносят ни авторам, ни их наследникам – за исключением лишь небольшого их числа, – ни прибылей, ни славы, т. е. не способствуют ни коммерческому использованию большинства произведений, ни их распространению.

Варианты выхода из этого унижительного положения, однако, есть. Первый, самый простой и «мягкий» с точки зрения трансформации законодательства – отсчет срока охраны не от года смерти автора, а от даты выхода произведения, поскольку именно она характеризует культурный контекст создания произведения и его реальную актуальность для последующих поколений. Второй – самый очевидный – сокращение сроков охраны до оптимального, составляющего 30 лет: спустя поколение книга, если она не стала шедевром, уже вряд ли может обрести такой статус. Третий вариант оптимизации – введение регистрации произведения (с возможностью ее пролонгации в течение какого-либо разумного срока) с целью его коммерческого использования. В этом случае ничто не мешает автору (или его наследникам) продолжать коммерческое использование произведения, если они смогут увидеть в этом какой-то смысл.

Конечно, все эти варианты требуют изменения положений базовых международных соглашений об авторском праве. Но постоянно идущий процесс утраты культурного наследия, очевидно, требует поиска новой точки баланса интересов и авторов, и издателей, и общества. Если же работа по трансформации системы авторского права не будет проделана, то – вместо возвращения в культурную орбиту массы произведений второй половины XX века – уже в ближайшие годы стараниями лоббистов Голливуда мы получим очередное продление сроков охраны на диснеевские мультфильмы.

Человечество уже давно вышло из фабричной колыбели и вступило в эпоху информационного общества. А для информационного общества концепция монополии на распространение культуры и знаний является не просто устаревшей, но создающей угрозу дальнейшему развитию. Продуманное и ответственное обновление системы авторского права и критическое переосмысление концепции интеллектуальной собственности – залог дальнейшего развития информационного общества и сохранения баланса интересов всех действующих лиц информационной индустрии: авторов, коммерсантов, государства и общества в целом.

Литература

1. Трансформация авторского права в Интернете: зарубежные тенденции, бизнес-модели, рекомендации для России / под ред. И. Засурского и В. Харитоновой. – М., 2013.
2. Peukert Ch., Claussen J., Kretschmer T. Piracy and Movie Revenues: Evidence from Megaupload: A Tale of the Long Tail? // Social Science Research Network : [сайт]. – 2013. – 20 августа. – URL: <http://ssrn.com/abstract=2176246>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2176246>.
3. Cohen D. S. MPAA Fires Back at Piracy Study // Variety : [сайт]. – URL: <http://variety.com/2013/digital/news/mpaa-fires-back-at-piracy-study-1200590749/>
4. Tanaka Tatsuo. Do Illegal Copies of Movies Reduce the Revenue of Legal Products? The case of TV animation in Japan // Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI) : [сайт]. – URL: <http://www.rieti.go.jp/en/publications/summary/11010021.html>
5. OCI Tracker. High volume infringers analysis report. – URL: http://stakeholders.ofcom.org.uk/binaries/research/telecomsresearch/onlinecopyright/w4/HIGH_VOLUME_INFRINGERS.pdf; OCI Tracker Benchmark Study. «Deep Dive» Analysis Report. – URL: <http://stakeholders.ofcom.org.uk/binaries/research/telecoms-research/online-copyright/deep-dive.pdf>.
6. Bart Cammaerts, Robin Mansell, Bingchun Meng. Copyright & Creation: A Case for Promoting Inclusive Online Sharing // Media Policy Project : [сайт]. – 2013. – URL: <http://www.lse.ac.uk/media@lse/documents/MPP/LSE-MPP-Policy-Brief-9-Copyright-and-Creation.pdf>
7. Ласика Дж. Д. Даркнет: Обратная сторона сети. – М., 2010.
8. Pierce D. Before buying shows, Netflix checks piracy sites to make sure people are watching // The Verge : [сайт]. – URL: <http://www.theverge.com/2013/9/14/4729984/before-buying-shows-netflix-checks-piracy-sites-to-make-sure-people>.
9. Heald P. J. How Copyright Makes Books and Music Disappear (and How Secondary Liability Rules Help Resurrect Old Songs) // Social Science Research Network : [сайт]. – 2013. – 5 July. – URL: <http://ssrn.com/abstract=2290181>